

Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине*

Марина Мосейкина

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

The Settlement of Russian Refugees and Displaced Persons in Postwar Argentina

Marina Moseykina

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia

This article considers Argentina's participation in solving the problem of Russian refugees and displaced persons, which became international as a result of the Second World War. The author describes the place of Latin American countries in improving the system of international law and spreading the practice of applying the institution of territorial asylum in the region, starting from the formation of national statehood and mass immigration of to the continent. In relation to the postwar period, the author focuses on the role of such institutional structures as the UNRRA, the UN, the IRO, the Intergovernmental Committee for the Resettlement of Emigrants from Europe, and the participation of Latin American countries in them, including Argentina. Traditionally, the main recipient state on the Latin American continent was Argentina, which sought to solve its own economic and social problems by recruiting an appropriate contingent of migrants for the country's developing economy. The author reveals the attitude of President Juan Domingo Perón of Argentina to the migration issue and the problem of Russian refugees; it is demonstrated how the country's migration policy towards immigrants from Russia and the USSR changed depending on domestic politics and the international situation. To reveal the peculiarities of the situation with Russian refugees, the author refers to materials from the WUA

---

* *Citation:* Moseykina, M. (2022). The Settlement of Russian Refugees and Displaced Persons in Postwar Argentina. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 2. P. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683.

Цитирование: Мосейкина М. Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 2. P. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683 / Мосейкина М. Обустройство русских беженцев и перемещенных лиц в послевоенной Аргентине // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 485–500. DOI 10.15826/qr.2022.2.683.

of the Russian Federation, the State Archives of the Russian Federation, and the archives of Harvard University demonstrating the reaction of the USSR to the position of Argentina in relation to Soviet displaced persons. Also, the article describes the participation of religious structures (resettlement committees of ROCOR, the Vatican, and the Jesuit Order) and emigrant charitable organisations (with the Tolstoy Foundation standing out) in their fate. The author shows that most of the permits received for the departure of Russian refugees to Argentina were not used due to a lack of funding for the move, inappropriate physical data of the resettled, and due to the fact that, starting in 1949, the government of Perón limited and then stopped admission into the country of displaced persons of Soviet origin.

Keywords: World War II, Argentina, refugee, displaced persons, Russian emigration, repatriation, legal status

Рассматривается участие Аргентины в решении проблемы русских беженцев и перемещенных лиц, которая превратилась в международную в результате Второй мировой войны. Показано место латиноамериканских стран в совершенствовании системы международного права и распространении практики применения в регионе института территориального убежища начиная с периода становления национальной государственности и массовой иммиграции населения на континент. Акцентируется внимание на роли институциональных структур – ЮНПРА, ООН, ИРО, Межправительственного комитета по переселению эмигрантов из Европы – и на участии в них латиноамериканских стран. Традиционно основным государством-реципиентом на Латиноамериканском континенте являлась Аргентина, которая решала задачу по набору соответствующего контингента мигрантов для развивающейся экономики страны в целях решения собственных экономических и политических задач. Раскрывается отношение к миграционному вопросу и проблеме русских беженцев президента Аргентины Хуана Доминго Перона, показано, как менялась миграционная политика страны в отношении выходцев из России и СССР в зависимости от внутренней политики и международной обстановки. Специфика ситуации с русскими беженцами раскрывается на материалах из АВП РФ, ГА РФ, архива Гарвардского университета. Отмечается участие в судьбе советских перемещенных лиц религиозных структур (переселенческих комитетов РПЦЗ, Ватикана, ордена иезуитов), эмигрантских благотворительных организаций, среди которых выделяется Толстовский фонд. Выявлено, что большая часть полученных разрешений на выезд русских беженцев в Аргентину не была использована из-за недостатка финансирования переезда, неподходящих физических данных переселявшихся, а также изменения политики правительства президента Хуана Доминго Перона, которое с 1949 г. ограничило, а затем прекратило допуск в страну перемещенных лиц советского происхождения.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Аргентина, беженцы, перемещенные лица, русская эмиграция, репатриация, правовой статус

Миграционные кризисы, вызванные войнами Нового и новейшего времени, потребовали выработки соответствующих норм и механизмов по расселению и правовой защите беженцев. В межвоенный период под эгидой Лиги Наций предпринимались усилия по урегулированию на международном уровне правового статуса беженцев и закреплению критериев приобретения этого статуса, сопряженных «с происхождением, принадлежностью изгнанника к конкретному государству или определенной национальности (русские, армяне, немцы, австрийцы и др.), а также с принципом “отсутствия защиты” беженцев страной происхождения» [Алешковский, Бочарова]. После Второй мировой войны наработанные за предшествующий период положения по урегулированию международного правового статуса беженцев оказались чрезвычайно востребованы, но в связи с новыми условиями, сложившимися в мире, и с учетом изменившегося состава вынужденных мигрантов данные положения были значительно расширены и конкретизированы в документах, касающихся статуса послевоенных беженцев (конвенция 1951 г., протокол 1967 г. и др.). Важным аспектом стало международное сотрудничество стран в рамках новых универсальных организаций не только в вопросах обеспечения защиты прав беженцев, но и в отношении поддержки принимающих их государств.

История беженцев и перемещенных лиц (*англ.* displaced person – DP) из СССР в контексте второй волны эмиграции стала объектом исследования лишь в новейшей историографии в связи с изучением истории репатриации в СССР советских граждан и разыскиваемых преступников, сотрудничавших с нацистами [Толстой; Земсков; Полян; Арзамаскин]. Актуализировались вопросы правового положения беженцев, не пожелавших вернуться в страны исхода, включая СССР, деятельности международных институтов и общественных организаций по выработке их правового статуса, роли различных стран в регулировании миграционных потоков в работах как отечественных [Алешковский, Бочарова; Ульянкина и др.], так и зарубежных ученых [Proudfoot; Europe on the move и др.].

Особое место занимает практика применения в странах континента института территориального убежища. Обращение к убежищу как средству защиты еще в период становления национальной государственности в Латинской Америке тесно переплеталось с проблемами региональной массовой эмиграции населения. В дальнейшем территориальное право убежища, «закрепленное во внутригосударственном законодательстве и международных соглашениях» (Договор Монтевидео о политическом убежище 1939 г., Каракасские конвенции о дипломатическом и территориальном убежище 1954 г., Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и др.), стало «универсальным правовым принципом, гарантирующим защиту человеческой жизни», на который опирались в своей миграционной политике власти многих латиноамериканских государств [Проблемы Латинской Америки, с. 177].

История послевоенного беженства тесно связана с возникновением и деятельностью лагерей перемещенных лиц в Европе и Азии, откуда и происходило их расселение за океан. В связи с изучением послевоенной волны эмиграции требуют дальнейшего исследования роль периферийных центров (стран Южной Америки, Австралии и Канады) в решении беженской проблемы и применявшиеся в разных странах адаптационные практики для эмигрантов.

Изучение проблемы базируется на теоретических основах, заложенных в классических и современных теориях миграции народов [Ravenstein; Lee; Рыбаковский; Ионцев], среди которых теория политической коммуникации, концепция притягивающих и отталкивающих (Push/Pull) факторов, влияющих на мировые миграционные процессы, и инструментальные политические практики разрешения проблем беженства [Мчедлова]. В частности, в работе «Проблемы Латинской Америки и международное право» отмечается «значительный вклад в совершенствование системы международного права» стран Латинской Америки, которые «стали первопроходцами в области кодификации права международных договоров», «солидно обогатив правотворческий... потенциал сообществ государств» [Проблемы Латинской Америки, с. 5].

Регулирование послевоенной миграции международными институтами

Решение беженского вопроса и формирование юридического статуса беженцев осуществлялись поэтапно еще в рамках Лиги Наций. В 1921 г. была учреждена должность Верховного комиссара по делам русских беженцев, которую занял Ф. Нансен, а после его смерти в 1931 г. был открыт Международный офис по делам беженцев имени Ф. Нансена. В июле 1938 г. в г. Эвиане (Франция) был создан Межправительственный комитет по беженцам (далее – Межправительственный комитет) во главе с Верховным уполномоченным Лиги Наций по беженцам.

На заключительном этапе Второй мировой войны беженская проблема вновь приобрела статус международной. В 1943 г. была создана Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA), призванная оказывать содействие населению освобожденных от фашистской оккупации и японского милитаризма стран. Она же отвечала за работу с беженцами в Европе и на Дальнем Востоке и в соответствии с договоренностями с союзным командованием курировала возникшие в Германии лагеря для перемещенных лиц, в которых в тот период находилось свыше 850 тыс. чел.

В деятельности ЮНРРА участвовал и СССР, хотя отношение советской делегации к самому факту эмиграции с самого начала было крайне отрицательным. Представители СССР в этой ситуации высказывали опасения по поводу ухода от правосудия военных преступников и будущей тяжелой участи переселенцев. В подготовленном проек-

те «Соображений делегации СССР» от 23 апреля 1946 г. предлагалось в случае выбора в пользу эмиграции расселять людей в странах с наиболее высоким уровнем жизни. К их числу были отнесены государства Южной Америки и Австралия, заявившие о готовности принять у себя беженцев [Мосейкина, с. 212–213]. И все же ЮНРПА не рассматривала эмиграцию в качестве приоритетного варианта решения проблемы.

Новый этап в ее разрешении начинается с создания Организации Объединенных Наций, в рамках которой Экономический и социальный комитет занимался вопросами финансирования перевозки мигрантов за океан в соответствии с утвержденными в странах квотами. Однако масштабы и неотложность задач потребовали создания дополнительных институциональных структур. В рамках ООН появились Специальный комитет по беженцам и перемещенным лицам и его подкомитеты (по определению терминов «беженец» и «перемещенное лицо»; по установлению фактов и сбору информации; по выработке проекта устава будущей международной организации по делам беженцев и перемещенных лиц). Членами комитетов и подкомитетов в тот период были многие латиноамериканские страны, заявившие о своем намерении «предложить эффективное сотрудничество для разрешения вопроса о беженцах и... помочь достичь... гуманных результатов... а именно – облегчить страдания всех тех несчастных людей, которые предпочитают искать новую родину как средство избежания трудностей, с которыми их столкнула война» [ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 396. Л. 394].

В 1947 г. вместо ЮНРПА появляется новая структура – Международная организация по делам беженцев и перемещенных лиц (The International Refugee Organization – IRO), занимавшаяся организацией переселения из Европы «ди-пи» и устройством их в третьих странах. Устав ИРО ратифицировали только 14 из 18 стран – членов ООН, включая Аргентину. Советский Союз отказался от членства в этой организации и не признал ее юридически, поскольку для него был неприемлемым тот факт, что в западных зонах при поддержке ИРО развернули свою деятельность вербовочные миссии из США, Канады, стран Латинской Америки. Из этого делался однозначный вывод, что ИРО действовала в англо-американских интересах и решала задачу поставки в разные страны дешевой рабочей силы.

В вопросе о правовом статусе беженцев ИРО настаивала на признании их бесподданными на основании ст. 14 Всеобщей декларации прав человека (от 1948 г.). В уставе самой организации содержались определения категорий «беженец» и «перемещенное лицо». Отмечалось, что те лица, которые не были признаны как перемещенные, относились к категории беженцев и также подлежали расселению при обеспечении всеми необходимыми документами для выезда. В свою очередь, «перемещенные лица, которых нельзя было репатриировать, или которые окончательно, свободно и после ознакомления с данными о положении на родине или месте, где они прежде проживали,

выразили свое нежелание вернуться в эти страны, переходили в ведение международной организации и подчинялись всем правилам, установленным для беженцев» [Котова, 2016, с. 47–48].

В 1946 г. Межправительственным комитетом для беженцев был разработан «специальный интернациональный документ» для перемещенных лиц, который называли «последователем Нансен-паспорта»¹. Таким образом, нансеновский паспорт был предтечей проездного документа беженца, ратифицированного Конвенцией ООН о статусе беженцев 1951 г. Новый документ гарантировал беженцам право возвращения в страну, которая выдала паспорт. Почти 500 тыс. беженцев Первой мировой войны, находившихся в тот период в Европе и Азии, получали право поменять нансеновский паспорт на новый документ, который, как отмечалось, хотя и не имел силы без визы, но давал беженцам «ощущение “принадлежности”» [Там же, с. 49].

Новый юридический документ признали 26 стран, включая Аргентину. Страны-реципиенты получали право депортировать перемещенное лицо в случае, если оно попадало в категорию «нежелательных», что вполне устраивало власти этих государств и делало их готовыми принять беженцев в статусе новых иммигрантов.

Русские беженцы и перемещенные лица в европейских лагерях «ди-пи»

В Европе скопилось большое количество перемещенных лиц, местом расселения которых стали лагеря «ди-пи», открытые по инициативе ЮНРРА. В Германии в американской зоне насчитывалось 416 таких лагерей, в британской зоне – 272, во французской зоне – 45, в Австрии и Италии – 21 и 8 соответственно [Котова, 2017, с. 62]².

Среди русских перемещенных лиц в лагерях Австрии, Германии, Северной Италии, Бельгии были остарбайтеры из числа гражданско-го населения СССР, жители Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии, советские военнопленные, часть из которых сотрудничали с нацистами, семьи беженцев и пособники немцев, отступившие вместе с ними с советской территории. В сложившихся условиях и на фоне продолжавшейся кампании по репатриации в СССР наиболее предпочтительным для этой категории граждан становился вариант с эмиграцией, для чего ИРО заключала договоры со странами-реципиентами. После заключения такого договора президент Аргентины Хуан Доминго Перон направил в Европу специальную ко-

---

¹ 3–5 июля 1922 г. в Женеве на конференции представителей правительств был принят текст сертификата для беженца (апатрида), получивший позже название нансеновского паспорта (Nansen passports). К концу 1930-х гг. документ приняли более 50 государств.

² Т. И. Ульянкина со ссылкой на данные М. Проудфутта приводит иные статистические сведения, отмечая, в частности, что в британской зоне (на декабрь 1946 г.) было зарегистрировано больше всего лагерей (443), тогда как во французской зоне – 78, в Австрии – 38, в Италии – 19 лагерей [см.: Ульянкина, с. 238].

миссию по отбору мигрантов в лагерях ИРО. Комиссия отдавала предпочтение здоровым мужчинам до 45 лет и женщинам до 35. Следует также отметить, что принимались и семейные пары, в составе которых были люди активного и пассивного возраста, и это было весьма актуально прежде всего для старой эмиграции, покидавшей Европу.

По воспоминаниям И. Н. Андрушкевича (который вместе с семьей проделал длинный путь из транзитного лагеря в Мюнхене до французской столицы, а оттуда через Италию в Аргентину), в Париже группами по 50 чел. людей отвозили в посольство Аргентины, где им выдавались «паспорта швейцарского Красного Креста, в которых была вписана аргентинская виза на постоянное жительство».

Вместо разных национальностей, до этого фигурировавших во временных документах участников нашей группы («украинец из Польши», «румын из Бессарабии» и т. д.), в получаемых новых паспортах мы все значились «без гражданства», буквально «без государства», *staatenlos*... Я объяснял, что президент Аргентины генерал Перон подписал декрет о принятии в Аргентину 10 тыс. русских эмигрантов, т. е. русских бесподанных, а не каких-то украинцев из Польши или Румынии [Андрушкевич].

Люди практически ничего не знали о континенте, экономической жизни латиноамериканских стран и климате. Но при этом, ожидая, в частности, выезда в Аргентину, по свидетельству М. А. Кублицкой, они «пытались выучиться какому-нибудь ремеслу, полезному, как они надеялись, в незнакомой заокеанской стране». В лагере Парша (г. Зальцбург) были открыты курсы птицеводства и производства молочных продуктов, которые люди охотно посещали, узнав, что в Аргентине активно развивается сельскохозяйственный сектор экономики. В лагере на ротаторе было организовано издание русско-испанских словарей и учебников испанского языка [Кублицкая, с. 206]. Находившийся в тот период в Мюнхене бывший советский военнопленный А. А. Кушинников, знавший иностранные языки, подготовил брошюру под названием «Аргентина» в качестве пособия для отправлявшихся в эту страну соотечественников (куда и сам впоследствии переехал). Одновременно он занимался составлением списков на выезд, по которым был сформирован первый транспорт из Мюнхена в Буэнос-Айрес – пароход «Рена» [Там же, с. 207].

Прием русских беженцев в Аргентине

К окончанию Второй мировой войны Аргентина имела богатый опыт реализации миграционной политики и расселения в своей стране мигрантов из России. Готовность генерала Перона принять у себя новую волну русских переселенцев была обусловлена рядом причин. Свою роль сыграло то, что в предшествующий период (1926–1946 гг.) в Аргентине наблюдалось сокращение миграционных потоков, что привело к спаду экономики и одновременно обусловило спрос на ра-

бочую силу. Очевидным было желание президента Перона пополнить новыми идеологически устойчивыми элементами проживавшую здесь лояльную режиму белую эмиграцию, что было актуально в контексте начавшейся холодной войны и развернувшегося противостояния между США и СССР.

В числе участников, содействовавших процессу переселения беженцев и перемещенных лиц в Аргентину, были различные религиозные и эмигрантские организации, и прежде всего Русская православная церковь за рубежом (РПЦЗ) и ее Архиерейский Синод, который инициировал создание переселенческих комитетов в разных странах, где велась запись желающих. В Буэнос-Айресе официальным представителем по делам переселения Архиерейский Синод назначил протоиерея о. Константина Изразцова, который развернул свою деятельность на базе созданного при храме Святой Троицы переселенческого комитета, куда и приходили письма из Европы. М. А. Кублицкая, ссылаясь на публикацию в эмигрантском журнале «Сеятель» за 1953 г., приводит данные о том, что о. Константин направил открытое обращение к королю Великобритании Георгу VI и президенту США Г. Трумэну с требованием остановить насильственную репатриацию в Европе [Кублицкая, с. 209]. Одновременно 25 июня 1946 г. он получил аудиенцию у президента страны Хуана Доминго Перона, в ходе которой заручился поддержкой главы государства в виде обещания выделить до 25 тыс. разрешений на въезд в страну русских беженцев.

Подготовленный о. Константином список для оформления виз из 14 тыс. чел. был направлен в адрес аргентинского правительства, которое первоначально выдало лишь 4 тыс. виз (это был так называемый «список о. Изразцова»). В дальнейшем оформление виз по данному списку было приостановлено. В качестве одной из причин называлось возникшее противостояние между о. Константином и прибывшими в Аргентину вместе с перемещенными лицами о. Георгием Романовым (РПЦЗ) и о. Филиппом де Режишем (восточнокатолическая церковь), усмотревших в «списках о. Константина» людей левых взглядов. Это не могло не насторожить аргентинские власти, которые так опасались коммунистической угрозы из Европы. Ответом на сложившуюся ситуацию стали приостановка массовой выдачи виз и дальнейшее сокращение числа прибывавших в страну дипийцев.

Наряду со «списком о. Изразцова» еще один аргентинский список для ИРО был представлен приехавшим в страну в 1947 г. из Швейцарии о. Георгием Романовым, который основал в Буэнос-Айресе общество «Православный русский очаг» и занимался получением виз для русских соотечественников. По некоторым данным, в течение первых полутора лет им было получено 16 тыс. виз для проживавших в Европе и Китае русских беженцев, хотя приехало, конечно, в несколько раз меньше, потому что ИРО не рассматривало Аргентину как приоритетное направление для переселения и не выделяло достаточно средств на оплату транспортных расходов. Большие затраты на пере-

возку людей мешали заокеанским странам активно включиться в решение проблемы перемещенных лиц. Кроме того, существовало немало бюрократических препятствий со стороны ИРО. Были случаи, когда сами перемещенные лица или эмигрантские сообщества по своим каналам получали разрешения на переселение в Аргентину, но выехать не могли месяцами.

В свою очередь, аргентинские власти, опасавшиеся проникновения на континент коммунистов и ориентировавшиеся в этом вопросе на США, в 1949 г. и вовсе ввели запрет на выдачу в Европе виз лицам славянского происхождения, и особенно русским, но при этом охотно принимали у себя белоэмигрантов и оказывали содействие тем, кто скрывался от репатриации в СССР. Среди них были военные преступники, коллаборанты, выдачи которых добивался Советский Союз. В их числе оказался генерал Б. А. Смысловский (командующий 1-й Русской национальной армией, сражавшейся на стороне Германии), который в сентябре 1947 г., находясь в Лихтенштейне, получил аргентинскую визу вместе со своим бывшим командиром, а по прибытии на место добился аудиенции у президента Аргентины и стал впоследствии его «советником по антипартизанским операциям и борьбе с терроризмом». «Перон нас держит под своим крылом», – не раз говорил своим людям Б. А. Смысловский [Нечаев, с. 133–135].

Для СССР в сложившихся условиях было чрезвычайно важным наладить деятельность по выявлению в Аргентине коллаборационистов, а также по проведению разъяснительной работы среди всех перемещенных советских граждан, а в случае необходимости – по их репатриации. В условиях отсутствия советско-аргентинских дипломатических отношений Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации не могло иметь здесь своего представителя. Но после восстановления двусторонних отношений в 1946 г. подобные функции были возложены сначала на советского посла М. Г. Сергеева, а затем – на поверенного в делах СССР в Аргентине И. Д. Бударина.

В служебной записке от 8 января 1948 г. на имя заместителя министра иностранных дел Союза ССР А. Я. Вышинского заместитель уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенант К. Д. Голубев излагал просьбу «послу СССР в Аргентине учесть всех отправленных советских граждан из Италии и западных зон Германии и Австрии и потребовать их передачи нам» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 16. П. 106. Д. 16. Л. 2].

Советский посол, а затем поверенный в делах СССР в Аргентине были обязаны с каждой дипломатической почтой направлять в консульское управление и в отдел латиноамериканских стран МИД СССР «отчет о проделанной работе по репатриации советских граждан и информацию о количестве перемещенных лиц, их возрастном составе, национальности, районах нахождения, отраслях хозяйства, где они работают, их материальном и правовом положении, о настро-

ениях, о возможности проведения агитационно-разъяснительной работы среди них» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 16. П. 106. Д. 12. Л. 96].

Особого успеха эта деятельность не имела даже после того, как советское посольство направило в адрес МИД Аргентины ноту от 23 января 1950 г., в которой со ссылкой на резолюцию Генеральной ассамблеи ООН от 12 февраля 1946 г. по вопросу о беженцах и перемещенных лицах указывалось, что «для проведения работы по репатриации на Родину находящихся в Аргентине советских перемещенных граждан» оно «нуждается в подробном списке этих граждан». Спустя полгода советская сторона вновь напоминала о своей ноте и просила аргентинское министерство «принять необходимые меры для скорейшего предоставления посольству упомянутого списка» [АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. П. 112. Д. 12. Л. 74–75].

Конечно, запрашиваемый список не был предоставлен, а собственных средств у дипработников было недостаточно. В мае 1950 г. отмечалось, что «за период около года в Аргентине было учтено 88 чел. советских перемещенных граждан, из которых 22 чел. дали согласие на репатриацию, а на 16 чел. из них было получено разрешение на выезд из страны». За тот же период были репатриированы всего лишь шесть человек. Все это вынуждало руководство Управления уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации СССР констатировать, что «такой результат работы по репатриации советских граждан из Аргентины нельзя признать удовлетворительным» [Там же. Л. 28]. Хотя желающих покинуть Аргентину и переехать в СССР после окончания Второй мировой войны, и особенно после смерти Сталина, оказалось немало прежде всего среди многочисленной славянской трудовой эмиграции в этой стране, представителей армянской диаспоры и просоветски настроенных выходцев из стран Прибалтики.

Заметную активность в вопросах защиты советских перемещенных лиц, скрывавшихся от репатриации, и их переселения в третьи страны проявляли католическая церковь и служба миграции при святом престоле, к которым за помощью непосредственно обращались руководители ЮНРРА, а затем ИРО. В ответ папа римский выступил против насильственной репатриации и инициировал создание национальных комитетов помощи беженцам. В 1947 г. состоялся визит представителей Ватикана в Аргентину с целью заручиться поддержкой местных католиков в деле размещения в их стране перемещенных лиц [Мосейкина, с. 224].

Один из интервьюеров Гарвардского проекта³, работавший до 1948 г. шофером при советской миссии в Римини и Риме, вспоминал: «Ватикан... спасал людей, чтобы они не попали к нам в руки. Им предостав-

---

³ Гарвардский проект (Harvard Refugee Interview Project, а затем Harvard Project on the Soviet Social System) – это проект, реализованный при финансировании ВВС США Центром русских исследований Гарвардского университета (создан в 1948 г.), в основе которого были интервью бывших советских граждан.

ляли еду, билеты, а также организовывали их переправку в Аргентину» [Гарвардский проект, с. 253]. Пропаганда различных христианских конфессий и конкретная помощь дипийцам с их стороны имели свой эффект в виде немногочисленного перехода русских в католичество.

Часть лагерей для перемещенных лиц в Европе взяла под свою опеку конгрегация Восточной церкви. В Рим ответственным за работу был назначен иезуит о. Филипп де Режи, директор русского интерната Святого Георгия в Париже. Он объезжал лагерь, оказывал помощь советским военнопленным и просто русским «ди-пи», спасая их от репатриации и оказывая содействие в переезде в Аргентину. Это позволяет говорить еще об одном списке на переселение – «списке о. Филиппа де Режи». По различным данным, тысячи русских были отправлены им на кораблях в эту южноамериканскую страну, куда в 1947 г. в качестве духовника с очередной группой направился и он сам с целью создания в стране русской епархии византийского обряда (чему должны были помочь сопровождавшие о. Филиппа русские духовные лица – митрополит Н. Автономов, священники А. Кулик, В. Рошко, иезуит Г. Коваленко и др.). В ходе морского путешествия в Южную Америку ими проводилась работа по конвертированию перемещенных лиц в католичество в надежде, что после стольких лет господства коммунистической идеологии бывшие советские граждане, воспитанные на принципах атеизма и никак не связанные с православием, с легкостью войдут в лоно католической церкви. Но эти надежды не оправдались, и большинство прибывших в Аргентину конвертитов перешло под юрисдикцию местных приходов РПЦЗ [Очерк истории католического апостолата]. Уже на месте священники во главе с о. Филиппом оказывали содействие в адаптации вновь прибывшим русским эмигрантам и одновременно занимались вызовами в Аргентину тех, кто еще находились в европейских лагерях «ди-пи».

Важную роль в судьбе русских беженцев и перемещенных лиц сыграли многочисленные эмигрантские организации и отдельные эмигранты, проживавшие в Северной Америке и в Европе. Особое место в этом ряду занимал Толстовский фонд, созданный в США в 1939 г. дочерью писателя Л. Н. Толстого Александрой Толстой при участии Б. А. Бахметьева. Роль Толстовского фонда, имевшего 18 отделений по всему миру, заключалась как в разрешении послевоенной беженской проблемы, так и в реализации задач социально-экономической адаптации эмигрантов второй волны.

После войны фонд осуществлял сотрудничество с ООН, Международным Красным Крестом, Всемирной организацией церковей, которые инициировали переселенческие процессы русских «ди-пи» и эмигрантов первой волны в Южную Америку, частично оплачивая визы и переезд. В тот период Толстовский фонд наряду с такими эмигрантскими организациями, как НТС, Союз борьбы за освобождение народов (СБОНР) и др., активно помогал коллаборантам и некоторым преступникам избежать насильственной репатриации, оказы-

вая содействие в их переселении за океан в страны как Северной, так и Южной Америки. В частности, в конце 1946 г. Толстовским фондом были подготовлены списки на 10,6 тыс. чел., которые группами отправлялись в Южную Америку и Канаду. Личное участие в судьбе перемещенных лиц принимала А. Л. Толстая, которая занималась поиском средств для оплаты виз переселявшимся в Аргентину русским (свыше 200 чел.) [Полян, с. 321].

Отец К. Изразцов, находясь в Аргентине, также рассчитывал получить от А. Л. Толстой не менее 50 тыс. долларов для строительства здесь временного жилища для прибывавших «ди-пи». Нет документального подтверждения, что эти деньги были предоставлены, но известно, что впоследствии на средства фонда в стране был открыт старческий дом для русских эмигрантов, и всю гуманитарную работу в дальнейшем координировал собственный офис Толстовского фонда в Аргентине во главе с его председателем Г. Л. Лукиным. Толстовский фонд совместно с Верховной комиссией ООН по делам беженцев оказывал поддержку аргентинскому офису, делая ежегодные выплаты беженцам, студентам, престарелым (в 1983 г. 20 % средств фонда тратилось на реализацию подобных программ в странах Латинской Америки) [HUA. 4817. Box 160. Folder 3. Tolstoy Foundation. INC. Reports on activities in Europe in 1983: Austria, Germany, Greece, Italy and Latin America. New York. March 26, 1984].

После обращения иерархов РПЦЗ к зарубежным правительствам, в том числе к президенту Аргентины, принять русских беженцев из Китая, находившихся на филиппинском острове Тубабао, в Южную Америку перебрались еще более сотни беженцев. Свою помощь в переселении людей оказал в тот период архиепископ Иоанн (Максимович) Шанхайский [Моравский, с. 91].

Говоря об общей численности прибывших в Аргентину беженцев и перемещенных лиц, М. А. Кублицкая суммирует «список о. Константина» (4 тыс.), «список о. Георгия» (7 тыс.) и то вероятное количество виз, которые были получены по спискам о. Филиппа де Режиа и г-на Мясоедова в Италии, а также виз, полученных в индивидуальном порядке, и делает вывод о вероятной численности второй волны эмиграции в Аргентине в 13–15 тыс. чел. [Кублицкая, с. 215]. На наш взгляд, это слишком завышенная цифра. В трудах отечественных и эмигрантских исследователей со ссылкой на различные источники называется цифра в 7–8 тыс. чел., воспользовавшихся к 1951 г. визами, предоставленными аргентинским правительством. И это был самый высокий численный показатель среди латиноамериканских стран (для сравнения: Бразилия – 3,7 тыс., Венесуэла – 2,8 тыс., Парагвай – 860 чел. [Земсков, с. 21–22; Поремский, с. 138]).

После 1951 г., когда задача по решению беженской проблемы перешла к Межправительственному комитету по переселению эмигрантов из Европы, в Аргентину, по данным советской стороны, было переправлено более 27 тыс. переселенцев разных национальностей.

Однако, как известно, с конца 1952 г. Аргентина приостановила массовый допуск перемещенных лиц, за исключением итальянцев и испанцев. Лишь после 1955 г., когда Межправительственный комитет по переселению эмигрантов из Европы принял очередную программу переселения за океан еще 143 тыс. чел., Аргентина пересмотрела свое предыдущее решение в пользу дальнейшей колонизации новых земель и разрешила въезд в страну мигрантов, пожелавших заниматься сельским хозяйством. По новой разверстке на Аргентину приходилось до 30 тыс. мигрантов, и это вновь была самая большая цифра из показателей, приходившихся на Латинскую Америку.

Исходя из анализа деятельности Межправительственного комитета по переселению эмигрантов из Европы, ЮНППА, ИРО, ООН и др., в период с 1940-х и до конца 1950-х гг. можно говорить о выработке инструментов регулирования миграционных потоков и решения проблемы послевоенных беженцев, а также о появлении политических практик, включавших ресурсы международных организаций, миграционных структур стран-реципиентов, возможности религиозных институтов и эмигрантских сообществ. Страны Латинской Америки, и Аргентина в частности, были включены в процесс создания системы международного сотрудничества по вопросам миграции и решения проблемы правового статуса беженцев, в том числе путем участия в разработке международных универсальных соглашений по размещению в своих странах новой волны переселенцев из Европы и СССР. Аргентина сыграла важную роль в обустройстве русских беженцев Второй мировой войны и создании условий для их последующей адаптации.

На период правления Хуана Доминго Перона (1947–1955) приходится последняя волна миграции из Европы в Аргентину, связанная с государственной политикой по привлечению квалифицированных рабочих из европейских стран с предпочтением мигрантам из Южной Европы, и прежде всего испанцам и итальянцам, близким аргентинцам по культурно-языковому признаку. Часть послевоенного миграционного потока составила волна русских и советских беженцев и перемещенных лиц. Всего за период с 1947–1955 гг. Аргентина приняла более 800 тыс. мигрантов, но в дальнейшем доминирующими для этой страны стали региональная и субрегиональная миграции.

Возникшие и адаптированные в условиях холодной войны формы и инструменты международного сотрудничества в сфере миграционного регулирования и защиты прав беженцев остаются определяющими и для современного этапа так называемого глобального управления (global governance) миграционными процессами, в который по-прежнему включены страны Латинской Америки и Россия.

Список литературы

- АВП РФ. Ф. 070. Оп. 18. П. 112. Д. 12.
- Алешковский И. А., Бочарова З. С.* «Перемещенные и неуместные»: феномен беженства и развитие международного режима защиты беженцев в XIX – начале XXI века // История : электрон. науч.-образоват. журн. 2019. Т. 10, № 11. С. 90–121.
- Андрушкевич И. Н.* Вся жизнь в эмиграции : (Свидетельские показания и воспоминания через призму восьми десятилетий) : мемуары : [в 7 ч.]. Буэнос-Айрес : [Б. и.], 2015. Ч. 5. Во вторичной послевоенной эмиграции // Игорь Николаевич Андрушкевич : [интернет-блог]. URL: http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com/p/blog-page_19.html (дата обращения: 15.08.2021).
- Арзамаскин Ю. Н.* Заложники Второй мировой войны: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М. : Фокус, 2001. 144 с.
- Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М. : Полит. энцикл., 2019. 493 с.
- ГАРФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 396.
- Земсков В. Н.* «Вторая эмиграция» и отношение к ней руководства СССР, 1947–1955 // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941–2001 гг. : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле, О. В. Будницкого. М. : ИРИ РАН, 2007. С. 63–91.
- Ионцев В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М. : Диалог – МГУ, 1999. 370 с.
- Котова Т. А.* Проблема урегулирования правового статуса беженцев и перемещенных лиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2016. № 2. С. 45–54.
- Котова Т. А.* Повседневная жизнь в европейских лагерях для перемещенных лиц в 1945–1952 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2017. 183 с.
- Кублицкая М. А.* Русская жизнь в Аргентине. Пенза : Ваза, 2018. 320 с.
- Моравский Н. В.* Остров Тубабао. 1949–1951 : Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М. : Рус. путь, 2000. 113 с.
- Мосейкина М. Н.* «Рассеяны, но не расторгнуть»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М. : РУДН, 2011. 388 с.
- Мчедлова М. М.* Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // Философия политики и права: ежег. науч. работ. Вып. 10. Миростроительство в XXI веке: порядок или хаос? М. : Издатель Воробьев, 2019. С. 128–138.
- Нечаев С. Ю.* Русские в Латинской Америке. М. : Вече, 2010. 320 с.
- Очерк истории католического апостолата в русском зарубежье в 1917–1991 гг. // Вселенство : [сайт]. URL: http://vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chart3d (дата обращения: 05.02.2021).
- Полян П. М.* Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. : РОССПЭН, 2002. 896 с.
- Поремский В. Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. М. : Посев, 1998. 286 с.
- Проблемы Латинской Америки и международное право / отв. ред. В. П. Шатров. М. : ИЛА РАН, 1995. Кн. 1. 379 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения (вопросы теории). М. : ИСПИ РАН, 2003. 238 с.
- Толстой Н. Д.* Жертвы Ялты / пер. Е. С. Гессен. М. : Рус. путь, 1996. 542 с.
- Ульянкина Т. И.* Иммиграционная политика США в первой половине XX века и ее влияние на правовое положение российских беженцев // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. СПб. : Сударыня, 2006. С. 229–248.
- Europe on the Move. Refugees in the Era of the Great War. Manchester : Manchester Univ. Press, 2017. 335 p.
- Lee E. S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3, № 1. P. 47–57.

Proudfoot M. J. European Refugees, 1939–1952 : A Study in Forced Population Movement. L. : Northwestern Univ. Press, 1957. 542 p.

Ravenstein E. G. The Laws of Migration // J. of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.

References

Aleshkovskii, I. A., Bocharova, Z. S. (2019). “Peremeshchennye i neumestnye”: fenomen bezhenstva i razvitiye mezhdunarodnogo rezhima zashchity bezhentsev v XIX – nachale XXI veka [“Displaced and Inappropriate”: The Phenomenon of Refugees and the Development of the International Regulations for the Protection of Refugees in the 19th – Early 21st Centuries]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel’nyi zhurnal*. Vol. 10. No. 11, pp. 90–121.

Andrushkevich, I. N. (2015). Vsyazhizn’ v emigratsii. (Svidetel’skie pokazaniya i vospominaniya cherez prizmu vos’mi desyatiletii). Memuary v 7 ch. [All My Life in Exile. (Testimony and Memories through the Prism of Eight Decades). Memoirs. 7 Parts]. Buenos Aires, S. n. Part 5. Vo vtorichnoi poslevoyennoi emigratsii. In *Igor’ Nikolaevich Andrushkevich* [internet-blog]. URL: http://i-n-andruskiewitsch.blogspot.com/p/blog-page_19.html (mode of access: 15.08.2021).

Arzamaskin, Yu. N. (2001). *Zalozhniki Vtoroi mirovoi voiny: repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1953 gg.* [Hostages of the Second World War: Repatriation of Soviet Citizens in 1944–1953]. Moscow, Fokus. 144 p.

AVP RF [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation]. Stock 070. List 18. File 112. Dos. 12.

Budnitskii, O. V., Novikova, L. G. (Eds.). (2019). *Garvardskii proekt: rassekrechennyye svidetel’stva o Velikoi Otechestvennoi voine* [Harvard Project: Declassified Evidence of the Great Patriotic War]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 493 p.

Europe on the Move. Refugees in the Era of the Great War. (2017). Manchester, Manchester Univ. Press. 335 p.

GARF [State Archives of the Russian Federation]. Stock 9526. List 1. Dos. 396.

Iontsev, V. A. (1999). *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya* [International Population Migration: Theory and History of Study]. Moscow, Dialog – Moskovskii gosudarstvennyi universitet. 370 p.

Kotova, T. A. (2016). Problema uregulirovaniya pravovogo statusa bezhentsev i peremeshchennykh lits [The Problem of Settling the Legal Status of Refugees and Displaced Persons]. In *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. No. 2, pp. 45–54.

Kotova, T. A. (2017). *Povsednevnyaya zhizn’ v yevropeiskikh lageryakh dlya peremeshchennykh lits v 1945–1952 gg.* [Daily Life in European Camps for Displaced Persons in 1945–1952]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 183 p.

Kublitskaya, M. A. (2018). *Russkaya zhizn’ v Argentine* [Russian Life in Argentina]. Penza, Vaza. 320 p.

Lee, E. S. (1966). A Theory of Migration. In *Demography*. Vol. 3. No. 1, pp. 47–57.

Mchedlova, M. M. (2019). Migratsiya i transformatsiya mirovogo poryadka: potrebnost’ v novoi politicheskoi refleksii [Migration and Transformation of the World Order: The Need for a New Political Reflection]. In *Filosofiya politiki i prava. Ezhegodnik nauchnykh rabot*. Iss. 10. Miroustroistvo v XXI veke: poryadok ili kaos? Moscow, Izdatel’ Vorob’ev, pp. 128–138.

Moravskii, N. V. (2000). *Ostrov Tubabao. 1949–1951. Poslednee pristanishche rossiiskoi dal’nevostochnoi emigratsii* [Tubabao Island. 1949–1951. The Last Refuge of the Russian Far Eastern Emigration]. Moscow, Russkii put’. 113 p.

Moseykina, M. N. (2011). “Rasseyany, no ne rastorgnuty”: russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoj Ameriki v 1920–1960 gg. [“Scattered, But Not Dissolved”: Russian Emigration in Latin America in 1920–1960]. Moscow, Rossiiskii universitet družby narodov. 388 p.

Nechaev, S. Yu. (2010). *Russkie v Latinskoj Amerike* [Russians in Latin America]. Moscow, Veche. 320 p.

Ocherk istorii katolicheskogo apostolata v russkom zarubezh'ye v 1917–1991 gg. [Essay on the History of the Catholic Apostolate in the Russian Diaspora in 1917–1991]. (N. d.). In *Vselenstvo* [website]. URL: vselenstvo.narod.ru/library/rus_apostolate_17_91.htm#chapt3d (accessed: 05.02.2021).

Polyan, P. M. (2002). *Zherty dvukh diktatur. Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbaiterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of Two Dictatorships. The Life, Work, Humiliation, and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters in a Foreign Land and at Home]. Moscow, ROSSPEN. 896 p.

Poremskii, V. D. (1998). *Strategiya antibol'shevistskoj emigratsii* [The Strategy of Anti-Bolshevik Emigration]. Moscow, Posev. 286 p.

Proudfoot, M. J. (1957). *European Refugees, 1939–1952. A Study in Forced Population Movement*. L., Northwestern Univ. Press. 542 p.

Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. In *J. of the Statistical Society of London*. Vol. 48. No. 2, pp. 167–235.

Rybakovskii, L. L. (2003). *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population Migration (Theoretical Questions)]. Moscow, Institut sotsial'no-politicheskikh issledovaniy RAN. 238 p.

Shatrov, V. P. (Ed.). (1995). *Problemy Latinskoj Ameriki i mezhdunarodnoe pravo* [Issues of Latin America and International Law]. Moscow, Institut Latinskoj Ameriki RAN. Book 1. 379 p.

Tolstoy, N. D. (1996). *Zherty Yalty* [Victims of Yalta] / transl. by E. S. Gessen. Moscow, Russkii put'. 542 p.

Ul'yankina, T. I. (2006). Immigratsionnaya politika SShA v pervoi polovine XX veka i ee vliyanie na pravovoe polozhenie rossiiskikh bezhentsev [US Immigration Policy in the First Half of the 20th Century and Its Impact on the Legal Status of Russian Refugees]. In *Pravovoe polozhenie rossiiskoi emigratsii v 1920–1930-e gody*. St Petersburg, Sudarynya, pp. 229–248.

Zemskov, V. N. (2007). “Vtoraya emigratsiya” i otnoshenie k nei rukovodstva SSSR, 1947–1955 [“The Second Emigration” and the Attitude of the Leadership of the USSR, 1947–1955]. In Polyakov, Yu. A., Tarle, G. Ya., Budnitskiy, O. V. (Eds.). *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya. Emigratsiya iz SSSR – Rossii. 1941–2001 gg. Sbornik statei*. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN, pp. 63–91.

The article was submitted on 08.11.2021